

СЛЮСАРЕВА Н. А.

ОБ АНГЛИЙСКОМ ФУНКЦИОНАЛИЗМЕ М. А. К. ХЭЛЛИДЕЯ

Во многих работах последних лет неоднократно отмечалось, что функционализм как своеобразное направление языкознания второй половины XX в. привлекает к себе все большее и большее внимание. В его пределах сложились разные школы, как за рубежом (в Чехословакии, Франции, Англии, Нидерландах и других странах [1—3]), так и у нас (достаточно назвать труды Т. М. Николаевой, О. А. Лаптевой, Г. А. Золотовой, А. В. Бондарко, Д. Н. Шмелева, Е. А. Реферовской и многих других ученых). Невольно возникает вопрос, почему функционализм в лингвистике, зародившийся еще в 30-е годы, получил распространение примерно через полвека. Это можно объяснить, во-первых, тем, что совершился отход от широковещательных деклараций структурализма разных школ и в лингвистике наметилась тенденция к поиску новых путей развития (теории логической семантики, речевых актов и др.). Во-вторых, начала сказываться неудовлетворенность и другим крайним направлением — лингвистикой текста, возвращавшей, как поначалу казалось, языковедческие интересы в лоно филологии. Если ориентация на внутреннюю структуру языка обогатила языкознание многочисленными методами анализа, то многогранность текста создала опасность для размывания контуров лингвистики. В условиях соперничества этих направлений науки о языке рост влияния функциональной лингвистики вполне закономерен, поскольку она, занимаясь внутренними особенностями языка, в то же время признает и учитывает семиотический характер его социальной природы и его использование в целях общения. Функциональная лингвистика вбирает в себя все лучшее, что было накоплено как при исследованиях внутренней структуры языка, так и при изучении лингвистических особенностей текста.

Неудивительно, что в этих условиях наиболее плодотворной оказалась область функциональной грамматики, т. к. в ее категориях, элементах и отношениях наиболее зримо раскрывается язык в действии. Функционирование языка в речи, в реальных ситуациях общения непосредственно связано с человеческим фактором в языке, поскольку именно в общении, в речи индивид использует язык в соответствии со своим коммуникативным намерением. Функциональная грамматика занимается изучением формализованных особенностей использования языка, которые фигурируют в различных речевых произведениях — от реплик диалога до развернутого прозаического текста книги.

Эти черты функциональной грамматики достаточно явственно проступают в книге М. А. К. Хэллiday «Введение в функциональную грамматику» (1985), в которой автор как бы подводит итоги своих многолетних исследований в данной области и которую мы кладем в основу нашего обзора [4].

Эта книга состоит из двух частей: I «Простое предложение» (The clause)¹ и II «Выше, ниже и за пределами простого предложения», которым предпослано большое теоретическое Введение. Книга завершается тремя «Приложениями» с развернутым анализом некоторых типов текста.

Автор определяет функциональный подход как интерпретацию: (а) текста, (б) системы и (в) элементов языковой структуры, иными словами, того, как язык используется (развивается теория, представленная ранее в ряде известных работ М. Хэллидея) [5—8].

Исходя из того, что лексико-грамматическая система в целом является реализацией семантической системы (т. е. того, что говорящий может мыслить), а система мысли в свою очередь является реализацией того, что он может делать, Хэллидей выделяет в качестве функциональных основные компоненты значения. Ими являются прежде всего следующие метафункции: два компонента значения — понятийный, или отражательный (ideational, or reflective), и межличностный, или действительностный (interpersonal, or active), третьим является текстовый компонент. Первые два лежат в основе всех использований языка и дают возможность «(1) понимать окружение и (2) воздействовать на других в этих условиях» (с. XIII), а третий обеспечивает значимость двух первых. Вся книга посвящена показу того, какими средствами располагает в английском языке каждый компонент.

Хэллидей называет свою теорию грамматики системной, т. к. язык является семиотической системой и основывается на сети взаимосвязанных возможностей, которыми располагает говорящий для выбора из состава единиц языка при выражении смысла в данной ситуации общения. Однако отметим, что использование термина «система» не совпадает с принятым в нашей научной традиции. Дело в том, что Хэллидей следует идеям своего учителя Дж. Р. Фёрса, считавшего, что языковой контекст дает возможность устанавливать в нем два типа отношений между единицами языка: горизонтальные — в структуре, т. е. в синтагматике, и вертикальные — в системе, т. е. в парадигматике [9]. Сам Хэллидей указывал и ранее, что кроме этих идей он разделяет многое, созданное Л. Ельмслевом, Пражской школой, С. Лэмом и К. Пайком. Система, таким образом, устанавливается в виде сетки формализованных в языке категорий, из числа которых говорящий выбирает, строя свои высказывания в соответствии со своим коммуникативным намерением, например, использует единственное или множественное число имени, настоящее или прошедшее время глагола и т. п. Термин «системная (systemic) грамматика» поясняется Хэллидеем как противопоставленный термину «систематическая (systematic)», поскольку система в грамматике выступает как набор возможностей выбора (a set of options). Грамматика любого языка может быть представлена в виде сетки систем, представляющей совокупность выбираемых единиц, которые находятся в отношениях одновременности и иерархии, причем эта сетка является в известной мере открытой системой [10].

Центральными единицами грамматики автор признает простое предложение (clause), либо самостоятельно используемое, либо как часть сложного предложения, и слово (word), а между ними помещаются группа (group) — именная, глагольная, наречная, предложная и др., и фраза (phrase), которые различаются тем, что группа рассматривается со стороны слова, а фраза — со стороны предложения. Эти

¹ Данный перевод английского слова (clause) подсказан самим автором, у которого мы читаем: «... simple sentences (that is, clauses, in our terms) were analysed...» (с. 159).

последние единицы в общем совпадают со словосочетанием в нашей научной традиции.

Эти основные идеи Хэллидей разрабатывает дальше, учитывая достижения лингвистики более позднего времени. Поскольку его теория с самого начала относилась к функционализму, в нее органически вплетаются и развиваются мысли Ч. Филлмора о глубинных падежах-функциях, а также некоторые проблемы, поставленные в философии языка и использованные при трактовке понятийного (отражательного) компонента. Подчеркнем особо, что обращение к тексту, т. е. включение текстовой функции в состав базовых, было предпринято автором задолго до оформления лингвистики текста в особую область языковедческих штудий. Поэтому в рассматриваемой книге Хэллидей осуществляет широкий выход в теорию текста и демонстрирует свои положения на большом количестве текстов (от диалога до развернутых повествований), показывая и отстаивая важность грамматики для анализа текста. Он подчеркивает, что функциональная грамматика является одновременно грамматикой текста и грамматикой системы.

При построении грамматики приоритет отдается устной речи, «которая требует более динамичной и менее конструктивной формы представления» (с. XXIII). Особо выделяется бессознательная природа спонтанной речи. Язык трактуется не как индивидуальное, а как социальное явление, обладающее своим семантическим кодом, представленным общей системой грамматики и лексики: «Не вызывает сомнений, — замечает Хэллидей, — что существует связь между кодом и культурой, породившей его, но она весьма сложна и абстрактна» (с. XXI).

Хотя обе части книги ставят на первое место с и н т а к с и с, Хэллидей особо оговаривает отказ пользоваться данным термином (который в философии языка противопоставляется семантике и прагматике), потому что, во-первых, ступенями кодового перехода от содержания к выражению являются семантика, грамматика и фонология, причем грамматика включает и синтаксис, и словарь и морфологию, стоящие на одном уровне в кодирующей системе языка. Во-вторых, термин «синтаксис» в европейской грамматике подразумевает анализ, направленный от формы слов к значениям, тогда как в функциональной грамматике «язык рассматривается как система значений, сопровождаемых формами, через которые могут реализовываться эти значения» (с. XIV)². Думается, однако, что сохранение традиционного термина «синтаксис» не должно вызывать возражений, т. к. современный синтаксис далеко ушел от модели прошлых веков и предстает в весьма разветвленных направлениях.

В качестве наиболее важных проблем грамматики автор называет: (1) проблему парадигм, (2) проблему категорий и их именования, (3) проблему примеров (отдельно поданных, текстовых, вымышленных), и (4) проблему описания языка средствами его самого без «переодевания» старых идей в новые термины. Основная ориентация описания идет, по словам автора, «от общего к частному» (с. XV). При этом указывается, что эта системная часть грамматики может быть введена в компьютер и с ее помощью могут решаться прикладные задачи: анализ ученических сочинений, ситуаций общения «ученик — учитель», «взрослый — взрослый», «взрослый — ребенок» и т. п., можно также сравнивать разные стили (регистры), анализировать усвоение материала учащимися и т. п.

² Автор замечает, что в его теории лучше говорить не о синтаксисе (*syntax*, букв. «соположение»), а о синезисе (*synesis*, букв. «сосуществование»).

Автор начинает первую часть своей книги с описания структурных обоснований языковых высказываний. Показано, что язык включает множество иерархически организованных комплексов (constituency), сосуществующих в разных частях системы и используемых в различных сферах — от письма (предложение — слово — буква) до поэмы (строфы, строки, слогги, ритм, метр). Анализ этих комплексов можно проводить по принципу грамматики непосредственно составляющих. Затем вводится понятие классов (Имя, Глагол, Прилагательное и т. п.) и функций (Субъект, Актор, Тема) ³. Разграничению последних отводится особое место, поскольку, как поясняет автор, в традиционной европейской грамматике использовалось лишь первое понятие (Субъект), хотя выделение его не всегда представлялось ясным (как в примере: *This teapot my aunt was given by the duke*). Вследствие этого в свое время были введены понятия психологического (*this teapot*), грамматического (*my aunt*) и логического (*by the duke*) субъекта, которые в зависимости от роли, выполняемой в предложении, выступают соответственно в виде функций Темы, Субъекта (подлежащего), Актора (деятеля). Каждая из этих функций соотносится с особым типом значения в предложении: «Тема является функцией в предложении как сообщением (clause as message). Сообщение связано с ней как исходным моментом того, о чем говорящий собирается сказать. Субъект является функцией в предложении как средстве обмена информацией (clause as exchange). Это элемент, от которого зависит коммуникативный эффект предложения, это его особая речевая функция. Актор является функцией в предложении как представлении процесса (clause as representation of a process). Это активный участник процесса, тот, кто совершает действие» (с. 37). В книге детально описаны все возможности английской грамматики, способные реализовать данные функциональные понятия.

Исследование «Предложение как сообщение» начинается с объяснения понятий Темы и Ремы, трактуемых вслед за Пражской школой ⁴. Показаны разные типы Темы: (а) простая, состоящая из одного составляющего, который может быть представлен именной или наречной группой, а также предложным сочетанием (phrase), (б) связанная с наклонением (повествовательным, вопросительным, повелительным), (в) выраженная союзными и модальными адъюнктами ⁵, (г) сложная, состоящая из группы слов, (д) представленная простыми предложениями в составе сложного или конструкциями и т. п. Подчеркивается, что Тема как исходное в сообщении может содержать в себе компоненты всех трех метафункций — текстовой, межличностной и понятийной, но обязательным является понятийный элемент. В том случае, когда он определяет поведение Темы как подлежащего, дополнения или обстоятельного элемента, речь идет о Топиковой теме. Текстовый компонент определяет представление Темы такими единицами, как *да, нет, ну, теперь* и т. п., и структурными элементами (например, союзами и относительными словами *который, кто, где, кто-либо* и т. п.). Межличностный компонент вводит модальную Тему, типа *возможно, конечно*, обращение, личную форму глагола в вопросительных предложениях, требующих ответа *да* или *нет*. Показано также

³ Заглавными буквами в книге маркируются функциональные понятия.

⁴ Автор подчеркивает, что предпочитает эти термины, т. к. используемые некоторыми учеными термины «топик» и «комментарий» несут дополнительные значения данного и нового и представляют собой особый объект анализа.

⁵ В традициях английских грамматик термин «адъюнкт» обозначает разные конструкции, в том числе и обстоятельные, которые распространяют другие члены предложения.

поведение Темы в неполных, зависимых и эллиптических предложениях. Все типы Темы продемонстрированы на примере¹ повествовательного текста.

Не вызывает сомнения, что достаточно просто и удобно определение Темы как психологического подлежащего, как исходного пункта, поскольку в английском языке ее, согласно данной теории, всегда маркирует первая позиция. Однако заметим, что при этом утрачивается специфика Темы как предметного центра сообщения, как семантического стержня, цементирующего всю конструкцию. При предложенной автором трактовке темы как бы остается в стороне такое явление, как тематическая прогрессия, как иерархия Тем в пределах целого текста, абзаца, предложения. Более того, данная трактовка Темы не согласуется с замечаниями самого Хэллидея в том, что «организация текста в целом определяет выбор Темы в каждом предложении или во всяком случае общую модель (pattern) выборов Темы» (с. 98). Такая модель может строиться лишь на предметной основе, а не на основе психологического подлежащего, представленного любым разрядом слов. Не следует забывать и того, что Тема является категорией предложения, которая непосредственно связана с текстом, тогда как психологическое подлежащее принадлежит лишь отдельному предложению и выступает в виде исходного пункта сообщения, содержащегося только в нем. Психологическое подлежащее не всегда совпадает с Темой, для которой характерна предметность, аргументы в пользу чего нами неоднократно высказывались [11—13]. С предметностью Темы связаны ее способности к выражению идентификации и референции, возможности ранжирования тем [14—16] и выделение дополнительных функциональных понятий в сфере Темы, таких, как антетема (предтема) гипертема и др. [14, 17, 18].

При оценке проблемы предложения как источника информации, выступающего в виде пропозиции (утверждения или вопроса) или просьбы, распоряжения и др., в синтаксических конструкциях выделяются два элемента. Первый, названный м о д у с н ы м (mood element), состоит из спрягаемой формы сказуемого, передающей значения глагольных времен и наклонений, и Субъекта (подлежащего), выраженного прежде всего именной группой, но также и причастным или инфинитивным оборотом. Во второй, названный О с т а т к о м (Residue), включены: Предикатор, т. е. неизменяемая часть глагольной аналитической формы, не передающая временных и модальных значений, Комплемент (Complement), т. е. своеобразный восполнитель, который представлен именной группой и мог бы быть Субъектом, но таковым не является, и Адьюнкт, т. е. адвербиальный распространитель, который представлен наречной группой или предложной фразой и не обладает свойствами потенциального субъекта, например: (Mood) *Sister Susie* (Subject) *is* (Finite) || (Residue) *sewing* (Predicator) *shirts* (Complement) *for soldiers* (Adjunct)⁶. На примерах диалогов разного типа показаны все возможности представления этих составных частей в рассматриваемых структурах, включая отсутствие разных элементов или их распространение.

Несмотря на оригинальность подхода и стремление показать функциональное несоответствие составов предложения как сообщения и как источника информации все же вызывает законное недоумение разрыв

⁶ Следует заметить, что трактовка терминов «Предикатор», «Комплемент», «Адьюнкт», используемых достаточно широко, не совпадает в разных современных английских грамматиках.

единой, хотя и представленной аналитически, глагольной формы. Ведь семантика основного глагола, данного в Предикаторе, обуславливает возможности выражения временных и модальных значений. С нашей точки зрения, семантический комплекс глагола нецелесообразно распределять по разным функциям, хотя структурное расчленение и имеет место. Обоснование же Комплемента и Адьюнкта можно принять в данной системе грамматики. Большой диалогический текст завершает анализ реализации межличностной функции, поскольку обмен информацией осуществляется главным образом в этой форме общения.

Понятийная функция выявляется в предложении, которое представляет модели поведения и умственную картину действительности. В этом смысле оно функционирует как репрезентация процессов: действия, события, чувствования, существования, благодаря системе транзитивности, которая воплощает грамматическую функцию выражения отражательного (т. е. базирующегося на опыте аспекта значения). Далее рассматриваются возможности выражения трех компонентов процессов: его самого, его участников и сопутствующих обстоятельств. В материальных процессах выделены Актор, Процесс и Цель (Goal), к умственным процессам отнесены думание, восприятие и чувствование и выделены: Чувствователь (Senser), Аффект и Феномен, например: *I (Senser) don't like (Affect) it (Phenomenon)*. Показано, что в грамматике различие (1) материальных и (2) ментальных процессов отражается в использовании существительных (и местоимений), обозначающих предметы (для 1) и людей (для 2), в различении вещей (для 1) и фактов (для 2), в использовании глагольных форм настоящего времени — длительного (для 1) и простого (для 2) и др. При процессах существования выделяются разные составляющие, например: (а) Носитель (Carrier), Процесс, Атрибут: *Sarah (Carrier) is/seems (Process) wise (Attribute)*; *Peter (Carrier) has (Process) a piano (Attribute)*; (б) Идентифицируемое, Процесс, Идентифицирующее: *You are the frog*; *Tomorrow is the tenth*. К этому добавляются процессы поведения и говорения с соответствующими функциями, а также функции других участников событий — Бенефицианта, Ранга и др., и обстоятельственных элементов разного типа — Протяженности, Пространства, Способа действия, Причины, Роли и др.

Особо выделены транзитивность и залог, т. к. все рассмотренные выше процессы в более абстрактном смысле структурируются на основе одной переменной — источника процесса (внутреннего и внешнего), что не совпадает с различием переходности и непереходности, где переменной является направленность на объект или ее отсутствие. Согласно концепции Хэллидея, переменной является каузация, определяющая наличие эргативных и неэргативных конструкций, поскольку подавляющая масса английских глаголов, традиционно определяемых как транзитивно-интранзитивные, представляет, по мнению Хэллидея, конструкции эргативного типа. Ср.: *The tourist woke/the lion woke the tourist* (в обоих случаях турист прекратил спать: в традиционной модели турист трактуется как деятель в первом случае и как цель — во втором). В каждом процессе выделяется один участник как его ключевая фигура (Медиум), благодаря которому существует этот процесс (в приведенном примере — *the tourist*). Процесс и Медиум составляют ядро английского предложения (например, *woke + tourist*), которое является семантическим полем, реализуемым либо в виде нераспространенного предложения, либо в комбинации с другими участниками (Participants) или обстоятельственными элементами. Если процесс представлен как не самопроизвольный, то помимо Медиума в предложении наличествует Участник, функционирую-

щий как внешняя причина и именуемый Агентом (в нашем примере Агент — *the lion*). Если процесс протекает самопроизвольно, то в предложении Агента может и не быть, но Хэллидей особо подчеркивает специфику английского языка, разбирая предложения типа *the glass broke*: «В реальном мире может быть какая-либо внешняя причина (agency) того, что стекло разбилось, но в семантике английского языка это событие представлено как самопроизвольное» (с. 147), и добавляет, что в случае использования пассива *the glass got broken* у слушающего всегда возникает желание узнать — «кем?» и «каким образом?», т. е. ввести Агента. Далее в схожем плане анализируются все процессы и показывается эквивалентность эргативной функции Медиума прочим функциям. Указывается, что транзитивность допускает линейную интерпретацию, а эргативность — ядерную⁷.

Думается, что несмотря на кажущийся дискуссионный характер данных заключений, следует отметить нетривиальное решение на базе языкового материала, который не укладывается в прокрустово ложе традиционной грамматики. Известные слова Ж. Вандриеса о том, что французская грамматика была бы иной, если бы ее описывали не по латинскому образцу, могут быть в еще большей мере применимы к английскому языку, как к его синтаксису, так и к морфологии [19]. Сам Хэллидей, подчеркивая необходимость определять кодовые особенности каждого языка, осуждает проявившуюся за последние годы тенденцию накладывать специфику английского кода на другие языки: «Современная лингвистика удручающе этноцентрична, т. е. заставляет все другие языки выступать в виде несовершенных копий английского языка» (с. XXXI). Автор выступает против представления функциональной грамматики как универсальной теории.

Таким образом, в первой части книги показано, что простое предложение является сложным объектом, состоящим из различных структур, производных от трех функциональных компонентов — понятийного, межличностного и текстового. Им соответствуют транзитивные, модальные и темовые структуры, на которые опираются весьма независимые возможности семантического выбора из наличного в грамматике языка состава элементов.

Вторая часть книги Хэллидея начинается с исследования словосочетаний (групп и фраз), т. е. единиц, стоящих ниже простого предложения и отличающихся от него тем, что три функциональных компонента значения представлены не объединенными в полной структуре, а как частичные вкрапления одного из них. Вследствие этого анализ групп проводится в пределах одной операции, а не трех. Понятийный аспект опирается (а) на опыт и (б) на выражение логических отношений. Дано подробное описание групп (именных и глагольных) и проведен анализ опытных и логических структур. Адвербиальные, союзные и предложные группы (к последним отнесены конструкции типа англ. *right behind, immediately in front of*), а также предложные фразы, состоящие из предлога и именной группы (типа *across the lake; on the burning deck*)⁸, описываются в одном

⁷ Близкое к идеям М. Хэллидея мнение было высказано еще в 1961 г. В. Н. Ярцевой, которая пришла к выводу, что в предложениях типа *The book sells well* с инактивным субъектом и глаголом в форме «квазипассива» (по Дж. Керму) происходит переосмысление формы активного залога и возникает новая семантическая категория, т. к. «смысловое противопоставление (активного и пассивного субъекта) совершается в условиях одной залоговой формы — действительного залога глагола» [19, с. 63].

⁸ Предлог трактуется как малый Предикатор при межличностном измерении.

параграфе, за которым следует сводная таблица классов слов, функционирующих во всех группах и фразах.

Хэллидей особо подчеркивает важность анализа словосочетаний, т. к. западная традиция не признавала его в качестве отдельной структурной единицы и вместо этого расчленила предложение сразу на слова» (с. 159). Уместно заметить, что в традициях нашей отечественной лингвистики словосочетание вошло полноправной единицей в синтаксический анализ наряду с предложением еще со времен Ф. Ф. Фортунатова.

Сложное предложение (sentence), т. е. паратаксис и гипотаксис, рассматривается как комплекс простых предложений. По мнению Хэллидея, отношения между входящими в комплекс предложениями являются функционально-семантическими и представляют логику естественного языка. Особое место уделено прямой и косвенной речи. Во всех структурах выделены две части: Глава и Модификатор (Head and Modifier). В виде дополнения к этому дано описание групповых и фразовых комплексов (пара- и гипотактических) и их распространений, а также пример анализа связного текста.

Раздел «Рядом с простым предложением (Beside the clause)» отведен интонации и ритму как находящимся вне линейной структуры предложения, но имеющим весомость в конструировании единиц информации, которые могут не совпадать с элементами предложения и даже охватывать разные предложения. Хэллидей пишет: «Единица информации представляет собой структуры из двух функций — Нового и Данного» (с. 275) и подчеркивает, что при этом Новое маркировано выделением, а Данное обычно ему предшествует. Указывается, что хотя Данное и Новое связаны соответственно с Темой и Ремой, тождества между ними нет, поскольку Тема и Рема ориентированы на говорящего, а Данное и Новое — на слушающего, несмотря на то, что последние две функции избираются также говорящим. Показаны разные способы выделения этих единиц (акцентное, тоновое и ритмическое)

Следует заметить, что несмотря на кажущуюся стройность композиции, в книге ощущается разрыв явлений, которые не могут трактоваться отдельно: Темы с Ремой (гл. 3) и Данного с Новым (гл. 8). Из-за этого разрыва возникают неизбежные повторения и отсылки и, нам это представляется главным, теряется специфика функционального подхода, т. е. анализ построения речевых произведений «от говорящего» в связи с реализацией его коммуникативного намерения. Кроме того, в книге остается неразъясненным место информации в теории Хэллидея, хотя он и пишет, что трактует ее не в математическом смысле, а как «процесс взаимодействия между тем, что уже известно и предсказуемо, и тем, что является новым и непредсказуемым» (с. 275). Однако вначале это понятие связывается с представлением предложения не как сообщения (гл. 3), а как пропозиции (гл. 4), потом же информация оказывается в центре главы, трактующей явления, находящиеся «рядом с простым предложением» (гл. 8). Анализ же текстового компонента (гл. 9) опять обращается к информационной (Данное и Новое) и тематической (Тема и Рема) структурам, и именно здесь затрагивается роль Темы в функциональной перспективе предложения. Отторгать Тему от информации так же невозможно, как и от представления Данного и Нового.

В разделе «Вокруг простого предложения» рассматриваются когезия и дискурс, которые используют текстовую референцию, эллипсис, соединительные элементы и средства лексики. Текстовый компонент характеризуется двумя группами черт: структурными (темовыми — Тема и Рема

и информационными — Данное и Новое) и когезивными, опирающимися на средства связности. Хэллидей обращает внимание на то, что «текст обладает структурой, но это — семантическая, а не грамматическая структура» (с. 318), т. е. текст состоит не из комплексов простых предложений, а из элементов, которые варьируются от стиля (регистра) к стилю — повествования, описания, разговора и т. п. Текст как продукт многомерного процесса речи (дискурса) воплощает не только полифоническую структуру грамматики, но и многие непоследовательности и даже противоречия, возникающие на высших уровнях функционирования семиотических систем, находящихся вне языка: «Благодаря этому потенциалу текст не является зеркальным отражением того, что находится вне его, он выступает как активный партнер в процессах формирования и изменения реальности», — заключает Хэллидей (с. 318). И нельзя не поддержать его в этом.

Автор отводит особое место так называемым метафорическим способам выражения. Они как бы накладываются на предложение извне. Причину того, что семантическая система языка изобилует метафорическими способами выражения, автор видит в природе *Модальности* (Modality), которая представляет собой область значений, лежащую между двумя полюсами: позитивного и негативного (*да* и *нет*). В модальность включены (1) *Модализация* (узуальное и вероятностное) — индикатив и (2) *Модуляция* (обязательное и желаемое) — императив. Хэллидей считает, что в философской семантике Модализация соответствует эпистемической, а Модуляция — деонтической модальностям. Подчеркивая важность модальных черт в грамматике межличностного обмена, автор указывает на явный парадокс, на котором зиждется вся система: «Как только мы говорим уверенно о чем-то, так сразу начинаем сомневаться в этом» (с. 340), поскольку все зависит от точки зрения говорящего. Вследствие этого в виде «скелета» сообщения выступает межличностная метафора, соотносимая с наклонением. С ней же связываются прочие лексико-грамматические, а также паралингвистические и поведенческие особенности, к которым добавляются черты, восходящие к контекстам ситуации и культуры. Метафоры последнего типа изучаются в теории речевых актов под именем перлокутивных актов, хотя, по мнению Хэллидея, с лингвистической точки зрения они представляют собой лишь особый случай общего явления метафоры. Все они выявляются при анализе текста, причем лингвистика текста не может быть отделена от грамматики, стоящей за ним. Как мы уже говорили выше, наблюдение за развитием научной мысли в течение последних лет заставляет поддержать это мнение.

Подводя итоги данного обзора, следует отметить, что задачи, которые ставил перед собой Хэллидей, успешно выполнены. В самом начале книги он писал, что лингвистический анализ текста (дискурса) нельзя проводить без опоры на грамматику и нельзя подменять попутным комментированием, и рекомендовал проводить его на двух уровнях. Первый (нижний) — уровень *понимания* текста, т. е. «показа того, как и почему текст значит то, что должен значить» (с. XV), второй (высший) — уровень *оценки* текста, т. е. определения «почему же текст является или не является эффективным для поставленных в нем целей» (с. XV). В центре любого текста, хотя он и является семантической единицей, стоит грамматика, поскольку все значения вербализованы, т. е. представлены в словах, а «без теории вербализации, т. е. грамматики, нельзя осуществить ясную интерпретацию значения какого-либо текста» (с. XVII). Именно

такую, на наш взгляд, весьма удачную теорию грамматики представил автор в этой книге.

Таким образом, «Введение в функциональную грамматику», хотя и именуется «Введением», безусловно интересно стремлением синтезировать основы теории М. А. К. Хэллидея, разрабатываемой в течение почти трех десятилетий, и наиболее ценные достижения зарубежного общего языкознания. При этом автор идет не от априорно намеченных схем, а от обширного материала современного английского языка в его живом использовании. Своей теоретической направленностью книга выделяется среди грамматик, вышедших в Англии за последние годы (Квёрка, Клоуза, Лича и Свартвика, Синклера и др.). Языковед-теоретик найдет в ней много материала для обдумывания проблем функциональной грамматики и ее категориального аппарата. Языковед-практик, преподаватель английского языка получит серьезное описание детально организованных и исследованных особенностей английского языка новейшего периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веденина Л. Г. Функциональное направление в современном зарубежном языкознании / ВЯ. 1978. № 6.
2. Веденина Л. Г. Истоки и принципы функциональной лингвистики // Функциональное направление в современном французском языкознании. Реферативный сборник ИНИОН АН СССР. М., 1980.
3. Слюсарева Н. А. Функциональная грамматика в Великобритании и Нидерландах // Современные зарубежные грамматические теории. Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1985.
4. Halliday M. A. K. An Introduction to functional grammar. L., 1985.
5. Halliday M. A. K. Explorations in the functions of language. L., 1973.
6. Language as social semiotic. L., 1976.
7. System and function in language. Oxford, 1976.
8. Хэллидей М. А. К. Место «Функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
9. Selected papers of J. R. Firth. 1952—1959 / Ed. by Palmer F. R. L., 1968.
10. Halliday M. A. K. System and function in language. Selected papers / Ed. by Kress G. R. L., 1976.
11. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
12. Слюсарева Н. А. Морфология и синтаксис в свете функционального подхода // ФН. 1984. № 5.
13. Слюсарева Н. А. Категориальная основа тема-рематической организации предложения-высказывания // ВЯ. 1986. № 4.
14. Subject and topic / Ed. by Ch. Li. N. Y., 1976.
15. Lyons J. Semantics. V. 2. Cambridge, 1978.
16. Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // ИАН СЛЯ. 1979. № 4.
17. Svoboda J. Diatheme. Brno, 1981.
18. Lambrecht K. Topic, anti-topic and verb agreement in non-standart French. Amsterdam, 1981.
19. Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М., 1961.
20. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.